

АКСИОЛОГИЯ: ЦЕННОСТИ И СВЯТЫНИ

А. В. Маркин

DOI: 10.7256/1999-2793.2013.11.5102

АЛЕТЕЙЯ

Аннотация. Настоящая работа — эссе о философии, творчестве, искусстве; о силе и ценности образного мышления и слова; о неразрывной связи философии и поэтики; об истине как о красоте. Это эссе пронизано идеей, будто знание творческой пропорции дается самим содержанием бытия и выравнивает всех представителей мысли о нем, знатоков художественной формы и гармонии прекрасного: философов, поэтов, писателей, художников, скульпторов, архитекторов в едином философском статусе постижения действительности и в едином стремлении к эстетической пропорциональности своих произведений, всем предназначением своим служащих лишь формой воплощения сказочного образа снизошедшей до них Алетейи. Мы считаем допустимым поступиться буквальным прочтением и произношением греческого слова, тем более что не претендуем ни на его достоверный перевод, ни на правильность произношения на языке происхождения. В нашем понимании, в рамках этой работы, Алетейя — символ открытого, непосредственного, эвристического знания, интенциональной истины, обретению которой придается легкий сакральный смысл.

Ключевые слова: Алетейя, истина, красота, мудрость, философия, творчество, искусство, интенция, импрессия, экспрессия, дух, образ, слово.

«У меня были времена, когда я чувствовал, что становился проводником воли божьей. Часто я был так нечист, так исполнен страстями личными, что свет этой истины затемнялся моей темнотой, но все-таки иногда эта истина проходила через меня, и это были счастливейшие минуты моей жизни. Дай бог, чтобы прохождение их через меня не осквернило этих истин, чтобы люди, несмотря на этот мелкий, нечистый характер, который они получили от меня, могли бы питаться ими. В этом только значение моих писаний».

Л. Н. Толстой

Алетейя (от греч. ἀλήθεια — истина) есть грандиозное явление действительности, описанное древнегреческими мыслителями в качестве проявления того, что всегда находится вокруг и внутри нас, но недоступно для восприятия обыденным разумом и не постигается в опыте. Это — божественное существо мира, сокрытого от нашего эмпирического восприятия и открывающегося разуму лишь в его особом экстатическом измерении, в состоянии глубочайшего интеллектуального погружения.

Алетейя — *mysterium*, сакральность, таинство философского озарения, имеющего непознаваемую

природу. Алетейя принимается как данность, как рождение и забвение и требует веры и поклонения.

Истина, открывающаяся внутреннему взору и принимаемая им как безукоризненная красота — есть Алетейя. Это интенциональная истина мыслителя, интенциональный образ, встречу с которым разум переживает как акт бытия.

Алетейя — сиятельная царица философского вождения и неудержимой интеллектуальной страсти, превосходящей своей силой все человеческое. Перед этой таинственной мощью меркнут эмоции, стирается грань между жизнью и смертью, утрачивает свою привлекательность земное пребывание.

Есть люди, по определению рождения и замыслу провидения одержимые страстью к Алетейе. Если хотите их найти, ищите среди истинных мыслителей, тех, для кого философия — и дар и рок судьбы одновременно. Это представители людского племени, обреченные на любовь к мудрости, ибо философия сваливается на голову пылающего страстью к знанию человека, невзирая на его образование и характер мирских занятий или, напротив, может преследовать его с младенческих лет, определяя и то и другое.

Томление духа, жадно ищущее своего исхода в открытии истины через красоту, предопределяет творческую природу философии во всем много-

DOI: 10.7256/1999-2793.2013.11.5102

1559

При цитировании этой статьи сноска на doi обязательна

образии, во всей глубине и непостижимости ее пропорций. Сущность философа — вера в истину, восхищение мудростью, благоговение перед глубиной знания и вечное стремление воспеть истину как красоту.

Философскую мысль, неразрывно связанную с эстетическим началом, отличает необыкновенная глубина проникновения, достигаемая посредством интеллектуальной импресии, представляющей собой непреодолимую страсть, влечение, «одержимость истиной», а в сущности своей высокую интеллектуальную энергию, впрессованную в самую сердцевину мысли. На этом острие импресивного философского погружения искрится высочайшей степенью накала, идущая из самой глубины духовности философа интенция о том, чего так страстно жаждет мыслитель, собрав воедино всю свою интеллектуальную энергию; чего бессознательно просит у неведомого, полагая, при этом, что только ищет желаемое в неизвестности. Получая доступ к точке предназначения, интенция философской мысли разряжается всей своей силой, как ударом молнии; раскрывается ослепительным светом достигнутой истины.

Попробуйте пересказать идеи философа, и вы почувствуете, как в вашем пересказе появляется нечто пародийное и ускользает что-то едва уловимое, необыкновенно важное, то, без чего сиятельные истины меркнут и обретают статус тривиальностей. И не спасает от этого виртуозное владение научной или околонучной терминологией. Здесь спекулятивная пунктуальность, скрупулезность без философского воображения играют злую шутку. Во всех творческих озарениях неизбежно присутствует покоряющая нас философская глубина и какая-то сверхчеловеческая, сугубо индивидуальная, неповторимая харизма.

Мартин Хайдеггер погружался на глубину мышления древнейших греческих философов, посредством скрупулезного герменевтического анализа великолепного фрагмента дидактической поэмы Парменида¹. Совершенно неожиданный, отрешенный от обычной структуры нашего мышления характер этого анализа убеждает нас в том, что древние мыслители обладали завидным качеством ума — выдерживать интеллектуальную почтительность к истинам, открывающимся им в знак особой благодарности за поклонение миру мудрости, за настойчивость и стремление знать, но не за намерение

вторгаться в истину, видеть и создавать ее такой, какой требует проза жизни. Это — награда за любовь к истине, к знанию, к красоте мудрости. Истина философа — Богиня! Так древние, изначальные мыслители представляли себе мир духа, отождествляя свое сознание со светом истины, сливаясь с ним, погружаясь в него без остатка подобно тому, как благородные суфии растворяются в божественной любви, испытывая трепетное пребывание на кончике сознания. Философ всегда «отступает» в благоговении перед истиной, окутанной нежным ароматом чистого разума и созерцает ее такой, какая она есть. Он любит свою Алетейю больше жизни, точнее, любит жизнь за то, что она дарит ему возможность увидеть высший ее идеал — истину, мудрость, раскрывающуюся сияющими лепестками пробужденного духа.

Философ видит в истине красоту и этим детерминировано его неистребимое желание найти такую форму для открывшегося его внутреннему взору знания, которая способна передать всю страсть его духовных переживаний и все нюансы, все оттенки божественно прекрасного знания и в этих поисках он превращается в художника, созерцающего истину в красоте.

Мы осознаем свои мысли через слова и образы, которые одинаковы для всех, но их выбор, подбор строго индивидуален, именно он определяет глубину, масштаб мыслителя. Парменид, которого Мартин Хайдеггер относит к мыслителям изначальным, неразрывно связанным своей мыслью с началом бытия, верит в то, что не он открывает Алетейю в своем размышлении, но Алетейя открывает его. Виктор Шкловский описывает подобное состояние сознания философа при помощи китайской притчи о сне человека, увидевшего в нем бабочку, но после пробуждения «задумавшегося о том, он ли видел во сне бабочку, или, может быть, бабочка увидела во сне его»².

Бабочка Парменида — богиня Истина, Алетейя, внимательно и благосклонно присматривающаяся к любопытному и дерзновенному в своем неудержимом стремлении к знанию, бредущему по пути «запредельному тропе человек»³ представителю земного племени. Парменид не задумывается, он знает — истина приходит к нему в его медитациях и говорит с ним как с равным, как с представителем ее мира, как с тем, кто смог подняться над при-

¹ Хайдеггер М. Парменид. СПб: Изд-во «Владимир Даль», 2009. С. 30–32.

² Шкловский В. Б. О теории прозы. М.: Советский писатель, 1983. С. 3.

³ Хайдеггер М. Парменид. СПб: Изд-во «Владимир Даль», 2009. С. 31.

земленностью «тропы человеков», открываясь ему во всем своем великолепии.

Богиня недоступна и неподвластна уму и желаниям всякого человека, она «сокрыта» в неведомом, непроявленном, она находится «там», не «здесь». Она открывается лишь тому, кого изберет сама. Алетейя выше человеческого, изначальнее его. Само ее существование может быть очевидным лишь для избранных мира людей, для тех, кто верит в объективную реальность истины, в объективную реальность идеального. Парменид верующий человек, объект его веры, его восторга и поклонения — Алетейя, ее он зовет в своих сознательных и бессознательных обращениях к неведомому. Этот зов, эта мольба, сама глубинная суть ее есть интенция Парменида об истине, о Алетейе, то, о чем он просит ее.

Но одного проникновения для объяснения философского стиля восприятия действительности вряд ли достаточно. Проницательность характерна для всякого великого ученого, но с философской проницательностью должна сочетаться способность облечь продукт творчества в такую форму, которая бы нас захватила сразу и без остатка, без вопросов и сомнений. Философ, постигший истину — художник, пораженный царственным образом и обреченный на бессонницу и душевные муки до тех пор, пока не найдет достойную форму его воплощения. Эта беспокойная сила внутреннего переживания философа придает особое свойство создаваемой им форме. Такое качество формы характеризуется экспрессией. Импрессивное погружение философской мысли на глубину истины нуждается в экспрессивной форме выражения извлеченного знания. В этом проявляется гармония философского знания, его пропорциональность.

Алетейя философа имеет бесподобные пропорции, она и есть сама сущность интеллектуальной пропорциональности, красота философской мысли. По своим пропорциям она оценивает предлагаемые ей наряды для выхода в свет и вряд ли здесь ожидает успех философа, не обладающего чутьем красоты и гармонии, одновременно представленной в божественной простоте. Алетейя грациозна и лишь во всей своей неземной роскоши посещает мир «человеков». Но могущество ее, при всей обворожительной легкости, не знает пределов наших измерений. Лев Толстой, признаваясь в том, что истина всей своей ослепительной красотой иногда проходила через него и тогда его дух, обуреваемый муками творчества, лихорадочно и до полного изнеможения искал подходящие формы, дает тем самым нам понять — истина предстает перед нами в образах, обла-

дающих поражающей силой, словно высокой степени разрядом неведомой энергии. Со всей точностью своего писательского и философского таланта он называл себя в такие мгновения «проводником воли божьей», полагая, что его брэнная плоть, всего лишь жалкий инструмент воспроизведения божественных желаний. Найдутся ли скептики среди почитателей художественного таланта этого глубочайшего русского мыслителя, которые, положив руку на сердце, способны будут выразить сомнения в том, что за искусным узором слов его сочинений чувствуется аура неземного благородства? Это портрет Алетейи, пера Льва Толстого. Она смотрит на нас завораживающим взглядом со страниц его книг. Мыслитель чувствовал, что ему не хватает жизни, чтобы описать все сияние снизошедшей до него грации. Слово «Истина» было одним из последних, произнесенных на смертном одре этим великим писателем и философом. Ее царственный образ звал постаревшего мыслителя за собой с такой невероятной силой, что брэнная плоть старца не выдерживала этого натиска и бросала его в люди, в окружение людей, многих из которых он никогда не знал и не видел или уже не узнавал. Он оставлял этот мир, стремясь, словно зачарованный, за волшебством неземных красок открывшейся ему Алетейи.

Сталкиваясь с подобным масштабом творения человеческого гения, со всей отчетливостью понимаешь, что все сокровища мира не стоят и гроша против возможностей духа. Но как щедро они раздарены! Как бескорыстно! Живи и наслаждайся, не отдавая ничего взамен, кроме собственных представлений о жизни. В большой игре большие ставки, а мы на крохах с барского стола беспечно проживаем целые эпохи, предаваясь эстетической неге в потоках интеллектуальной благодати, излучаемой гениальными представителями рода человеческого.

Пропорция философского суждения поражает нас как откровение, мы даже не испытываем потребность к трезвому анализу, переживая благоговение перед самой гармонией мысли и слова. Философская пропорция прекрасного не отождествима со строго научной пропорциональностью знания. Ей ближе пропорциональность поэтическая, художественная, та, которая, будучи выражена творцом, живет собственной жизнью, обретает собственную сущность, далеко выходящую за пределы представления ее создателя и способную проповедовать иные истины, вести за собой интеллект мыслителя в другие измерения.

Трудно не согласиться с Фрэнсисом Бэконом в том, что истинная красота всегда имеет в себе нечто

странное¹. К творческой пропорции относится эта, оброненная в задумчивости над асимметричностью произведений искусства фраза, но это, все же, философское представление о пропорции прекрасного и это сама пропорция красоты философской мысли. Творческая пропорция — это то, что мастера формы называют «золотым сечением», открывающим новые измерения симметрии². Алетейя, как воплощение творческой пропорции, блистательно красива и возвышенно безнравственна. Действительно, разве нет философской странности, бесподобной красоты и отсутствия сколь бы-то ни было унижающего нас измерения добра и зла в том, что: «журавли в небе прекрасны. Но странно, сокол, падающий на журавлей, прекраснее»³. Асимметрия творческой пропорции — это новый уровень симметрии, доступный лишь разуму, утопающему в свете ауры открывшейся Алетейи.

Истину влечет как прекрасную бабочку интеллектуальный аромат, непосредственной в своей простоте, но зрелой интенции философа, через которую Богиня открывается ему в образе, если пожелает. Неведомы, за пределами человеческого разуму правила, по которым Алетейя выбирает образ своего проявления в сознании облюбленного ею мыслителя.

Алетейя может прийти к избранному философу духом цветущего мая или поэтического сентября, заглянуть в душу спокойным взглядом россиянки или томными очами южной красавицы. Или же впорхнуть в нашу жизнь божественной улыбкой, покоряющей в своей легкости наши сердца с такой невероятной силой, какой не обладает даже вспышка грозовой молнии. Как посвящение в иную реальность подарил улыбку Джоконды человечеству Леонардо да Винчи, лишь слегка приоткрыв собственный, необыкновенно прекрасный художественный мир, потрясающий своей заповедностью. Вся тайна вселенной предстает перед нами в облике слегка насмешливо улыбающейся земной женщины с совершенно неземной глубины взглядом. Эта улыбка и этот взгляд — Алетейя Леонардо и она живет своей жизнью, и несет поклонникам иные истины помимо тех, которые выразил в ней философ и художник.

¹ Бэкон Ф. Соч.: В 2-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1972. С. 450.

² Шевелев И. Ш. Принцип пропорции: О формообразовании в природе, мерной трости древнего зодчего, архитектурном образе, двойном квадрате и взаимопроникающих подобиях. М.: Стройиздат, 1986. С. 6.

³ Шкловский В. Б. О теории прозы. М.: Советский писатель, 1983. С. 135.

Это — философские истины, ибо они универсальны и представляют собой особый путь импрессионного постижения действительности, который открыл для нас Леонардо да Винчи, одержимый своей Алетейей.

Истине ничего не стоит предстать перед пылающим душевным взором мыслителя звездным небом, захватывающим дух бездонностью темной синевы и блеском щедро рассыпанного золота или зазвучать в самой глубине его сознания необыкновенной музыкой бесконечного космоса. По преданию, Пифагор слышал звучание вселенной и называл музыку звезд несравнимой в своей красоте, ни с какими мелодиями, созданными человеком. Его цифры и математические закономерности звучали для него прекрасными музыкальными произведениями с той же очевидностью, с какой они несовместимы ни с какой музыкой в наших прозаических представлениях⁴.

Красота истины может окутать сознание дымом легких облаков, нежно убаюкивающим его сладкими грезами либо объявиться тоненьким солнечным лучиком, высвечивающим такие микроскопические детали действительности, которые никогда не были бы замечены никаким философом. Но она также может всколыхнуть духовное убежище философа столь мощным взрывом света, что окружающие детали бытия отпечатываются в разуме навсегда.

Алетейя может объявиться в сознании бесконечной глубиной чистого, голубого пространства, простирающегося над египетскими пирамидами и устремляющегося в беспредельный космос или же усыпанной неземными драгоценностями статуей богини Изиды, возвышающейся посреди руин неведомого древнего города.

Истина в бесконечности своей красоты способна обернуться зыбучими песками пустыни Сахары или цветущей скалой Капри, обласканной теплыми водами Средиземного моря, а может предстать перед внутренним взором неприметной проселочной дорогой со старым дубом на обочине и несколькими покосившимися избушками покинутой деревушки, приютившейся на кособоре. Это она водила рукой Мартина Хайдеггера, писавшего свой «Проселок»⁵, это ее благородное дыхание чувствуем мы, погружаясь в нежную ауру произведения. Алетейя, легкая как прозрачный поток воздуха и грациозная, словно сказочная небесная балерина, забавляясь неведомой для нас игрой, оставила свои божественные поцелуи

⁴ Ямвлих. Жизнь Пифагора. М.: Алетейя, Новый Акрополь. 1998. С. 11.

⁵ Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М.: Гнозис, 1993. С. 240.

на страницах книг Мастера. Стоит только открыть их и субстанция этих волшебных прикосновений вдруг рассыпается мириадами крошечных золотых и серебряных фей, непринужденно рассаживающихся на прописных и строчных буквах слов его произведений и заставляющих их переливаться цветами такой таинственной глубины, что нет никакой возможности избежать магического воздействия этой непревзойденной интеллектуальной мозаики.

Алетейя может пронестись мимо внутреннего взора цепочкой розовых островов Эгейского моря; архаичной, осыпавшейся под неумолимым влиянием времени позолотой венецианских улиц; явиться звоном колоколов старинных русских церквей или дымчатым воздухом маленьких волжских городов, а может распуститься в душе философа цветком необыкновеннейшей красоты, источающим сказочный аромат, не известный этому миру.

Истина, в непредсказуемости игры своих эстетических форм, способна накрыть разум беспросветной мглой, простирающейся до самого го-

ризонта, как это было во времена далеких событий на Голгофе; рокошущей глухими раскатами грома, мрачной готической красотой древних распятий; темной субстанцией, рассекаемой ослепительными вспышками молний, оставляющих во внутреннем взоре фотографические картинки неведомого мира, формирующие матрицу новой духовной цивилизации, отмеченной символом Бога, истекающего человеческой кровью.

Но в каком бы обличье, в какой бы простоте обыденности или роскоши воображения ни представала богиня Алетейя мятущемуся в муках творчества воспаленному разуму философа, будь то человеческий голос из объятых пламенем, но не сгорающего куста посреди пустыни или звонкий щебет маленькой невзрачной пичужки, вдруг приютившейся на плече мыслителя, она всегда бывает узнана как неземная, нечеловеческая красота, превосходящая своей грандиозностью всё известное чувствам и разуму, разрушающая привычные границы приземленного сознания.

Список литературы:

1. Бэкон Ф. Сочинения. В 2-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1972. 582 с.
2. Хайдеггер М. Парменид. СПб: Изд-во «Владимир Даль», 2009. 385 с.
3. Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М.: Гнозис, 1993. 464 с.
4. Шевелев И. Ш. Принцип пропорции: О формообразовании в природе, мерной трости древнего зодчего, архитектурном образе, двойном квадрате и взаимопроникающих подобиях. М.: Стройиздат, 1986. 200 с.
5. Шкловский В.Б. О теории прозы. М.: Советский писатель, 1983. 267 с.
6. Ямвлих. Жизнь Пифагора. М.: Алетейя, Новый Акрополь. 1998. 248 с.

References (transliteration):

1. Bekon F. Sochineniya. V 2-kh t. T. 1. M.: Mysl, 1972. 582 s.
2. Khaidegger M. Parmenid. SPb: Izd-vo «Vladimir Dal'», 2009. 385 s.
3. Khaidegger M. Raboty i razmyshleniya raznykh let. M.: Gnozis, 1993. 464 s.
4. Shevelev I. Sh. Printsip proporsii: O formoobrazovanii v prirode, mernoj trosti drevnego zodchego, arkhitekturnom obraze, dvoynom kvadrate i vzaimopronikayushchikh podobiyakh. M.: Stroizdat, 1986. 200 s.
5. Shklovskii V.B. O teorii prozy. M.: Sovetskii pisatel, 1983. 267 s.
6. Yamvlikh. Zhizn» Pifagora. M.: Aleteiya, Novyi Akropol». 1998. 248 s.